

ПО ПРОЧТЕНИИ «СИНОДИКА»

М. Ф. АНДРЕЕВА, А. Ф. МОЖАНСКАЯ (УРОЖД. АНДРЕЕВА)

Воспоминания содержат сведения о людях, пострадавших за православную веру в годы гонений, — преимущественно из окружения протоиерея Федора Андреева, одного из главных деятелей оппозиционного, так называемого «иосифлянского» церковного движения второй половины 1920-х годов.

Светлой памяти наших родителей посвящается

Авторы настоящих воспоминаний, сестры-близнецы Мария Федоровна и Анна Федоровна — дочери протоиерея Феодора Андреева, одного из главных деятелей оппозиционного, так называемого «иосифлянского» церковного движения второй половины 20-х гг. прошлого столетия. Отец Феодор, профессор богословия, и его матушка Наталья Николаевна, во всем единомышленная с мужем, были замечательными людьми, имели пламенную веру и горячее стремление самоотверженно стоять за истину, поэтому совершенно естественно их дом стал центром, где постоянно бывали выдающиеся церковные деятели того времени, такие, как епископ Гдовский Дмитрий (Любимов), епископ Нарвский Сергей (Дружинин), святой мученик Михаил Александрович Новоселов и многие другие, вскоре расстрелянные или замученные до смерти за веру Христову. Маленькие девочки впитывали горение духа и силу веры, хотя не могли, конечно, понимать сущности происходящих событий, оценка которых вызывает горячие споры и по сей день. Через всю жизнь они пронесли живую любовь к родителям, почитание их подвига, сердечную память о том времени.

Поводом к настоящей публикации стало их ознакомление с «Синодиком гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии XX столетия», изданным по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. В этом Синодике обнаружилось около пятидесяти имен, знакомых Анне Федоровне и Марии Федоровне. Просьбу написать об этих людях они выполнили, результатом чего и является настоящая публикация.

Воспоминания были написаны с использованием писем отца Федора Константиновича Андреева к его другу отцу Павлу Флоренскому, находящимся в архи-

ве Флоренских, писем матушки Наталии Николаевны Андреевой к ближайшему другу семьи Николаю Александровичу Александрову и воспоминаний дальнего родственника, но очень близкого Андреевым человека, Василия Валентиновича Дягилева.

Редакция

Россия, моя Россия,
Страна несказанных мук.
Целую язвы страстные
Твоих пригвожденных рук...

О. Анатолий Жураковский

Наши родители познакомились в 1920 г. в Петроградском Богословском институте. Ф. К. Андреев был профессором кафедры Христианской апологетики и правой рукой основателя и проректора института Ивана Павловича Щербова. А Наталия Николаевна Фроловская была слушательницей института.

Ф. К. Андреев начал свою просветительскую деятельность в Петрограде по возвращении своем из Сергиева Посада после закрытия Московской Духовной академии, где он был и.о. заведующего кафедрой систематической философии и логики.

В Петрограде он начал читать общедоступные богословские лекции, проводил беседы, участвовал в диспутах на религиозно-философские темы в общественных залах города и произносил проповеди в различных церквях. Во время одной из таких проповедей, которые летом 1921 г. почти ежедневно произносились в Казанском соборе, Федора Константиновича впервые увидел семилетний Вася Дягилев, не предвидя, что это его будущий родственник: «Очень живо представляю себе его фигуру в светлом стихаре на кафедре, расположенной несколько левее архиерейского возвышения, на которой было начертано: “Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас”».

После открытия, благодаря деятельному участию св. митрополита Вениамина, Богословского института, Ф. К. Андреев и И. П. Щербов всей душой отдались организаторской, и преподавательской деятельности. «Я слышал, что Иван Павлович послал тебе безумное письмо с приглашением читать лекции в Богословском институте, выше которого мы с ним никого, кроме Бога и Церкви, не почитаем», — писал Андреев о Павлу Флоренскому. И дальше: «Институт лежит на нас с Иваном Павловичем огромной ответственностью».

Свадьба Федора Константиновича и Наталии Николаевны состоялась 10 (23) июня 1922 года в церкви Пресвятой Троицы на Стремянной ул., снесенной в 60-х гг. По рассказам нашей тетки, сестры отца Веры Константиновны, свадьба получилась пышная, «царственная». Присутствовало 65 человек и среди них И. П. Щербов со второй женой Верой Васильевной Щербовой, урожденной Грабовской, врачом и дальней родственницей невесты. Из Москвы приехал давний друг жениха Михаил Александрович Новоселов — православный мыслитель и издатель популярной «Религиозно-философской библиотеки», маленькие розовые книжки которой мы помним с детства.

Были на свадьбе и два крупнейших русских философа: Лев Платонович Карсавин и Николай Онуфриевич Лосский, которые также преподавали в Богословском институте. Через несколько месяцев Ф. К. и Н. Н. Андреевы провожали их в изгнание.

Поселились молодые в квартире Федора Константиновича на Загородном пр., 21, где с ним жили мать и сестра.

Еще до свадьбы Федор Константинович сказал своей невесте, что твердо решил принять сан священника, на что она ответила, что не будь она в этом уверена, она бы не согласилась выйти за него замуж.

6 (19) декабря 1922 г. в Николин день в Никольском соборе епископ Николай (Ярушевич) рукоположил Федора Константиновича во священника и назначил его четвертым священником в Казанский собор.

В Казанском соборе духовенство было ученое, богословски образованное. Особенно в нашей семье почитали о. Тимофея Налимова. С 1919 по 1923 г. он был духовником всей глубоко верующей семьи родственников Наталии Николаевны — Дягилевых,

К Пасхе 1923 г. Казанский собор заняли обновленцы. «Меня со всеми священниками, оставшимися верными законной церковной власти, уволили», — писал о. Феодор другу. По свидетельству В. В. Дягилева, о. Феодор некоторое время служил на Творожковском подворье, но недолго, так как ко времени нашего рождения, 6 июля, отец был безработным, что и зафиксировано в наших метриках. Летом был закрыт и Богословский институт.

Для молодой семьи наступили трудные дни. Наталия Николаевна продолжала работать реставратором в Русском музее, и отец сам нянчился с детьми. «Провожу дни в томительном бездельи, заполненном лишь заботами о дочках и самообразованием. Господь материально поддерживает, но трудно сладить с какой-то тоской по настоящей церковной работе. Очень много утешений духовных доставляет один здешний священник, глубокий старец, да и вообще, в отношении дружеской и отеческой помощи Господь очень меня богато обставил. В жене, по милости Божьей, нашел совершенного друга. Много я с ней видел радости и утешения и благодарю Бога за чудесный Его выбор». Здесь речь идет о духовнике отца о. Михаиле Прудникове из церкви Спаса-на-водах.

В эту пору как-то вечером к о. Феодору по какому-то делу пришла высокая немолодая дама с очень прямой осанкой в черной косынке сестры милосердия. Это была младшая дочь известного генерала М. Г. Черняева Надежда Михайловна Черняева. Незадолго перед этим она похоронила в Тюмени свою сестру-близнеца Татьяну Михайловну Черняеву, находившуюся в тюрьме за принадлежность к одной из религиозных общин. Надежда Михайловна поехала в Дивеево с намерением принять постриг, но монастырь вскоре закрыли. Придя к нам, она торопилась и отказалась пройти в комнаты. Отец вышел к ней, держа нас на руках. Увидев близнецов, Надежда Михайловна восприняла это как указание на ее христианский долг и приняла впоследствии живое и непосредственное участие в нашем воспитании.

В начале 1924 г. епископ Мануил (Лемешевский), известный своей борьбой с обновленчеством, назначил о. Феодора, третьим священником в Сергиевский собор на Литейном проспекте.

В. В. Дягилев вспоминает: «Ко времени прихода о. Феодора в Сергиевский собор, причт собора состоял из двух престарелых протоиереев: о. Иоанна Морева и о. Павла Николаевского. Появление о. Феодора было встречено прихожанами восторженно. Высокий, красивый, с открытым вдохновенным, несколько строгим лицом, он всегда выделялся, причем совершенно невольно, среди сослужащих клириков. Во время Херувимской он, молясь, очень высоко поднимал руки, так что фелонь откидывалась за его плечи. О. Феодор был блестящим проповедником». Это подтвердил в письме к нам и академик Д. С. Лихачев. «Теперь о Вашем отце — о. Феодоре Андрееве. Это был в 20-х годах знаменитейший проповедник, на проповеди которого в Сергиевскую церковь на углу Литейного и Сергиевской стекалась вся интеллигенция Петрограда».

4 марта 1924 г. о. Феодор пишет Флоренскому: «Приходская жизнь моя наладилась, и преп. Сергей, ангел нашего храма, явственно со мной, презирая мое недостойнство... Я много проповедую, держась догматических, нравственных и литургических тем... Господь посылает мне большую физическую выдержку, позволяющую выстаивать, не сходя с места, 10–11-часовую исповедь и после того идти домой и снова назад без отдыха для совершения ранней литургии».

Из-за дальности расстояния от храма наши родители решили переехать к родным нашей матери на Лиговку, 21-а. Об этом событии напомнил нам Д. С. Лихачев: «Помню еще, что о. Феодор с семьей переезжал с квартиры на квартиру, и нас, молодежь, Ив[ан] Мих[айлович] просил помочь. Я по какой-то причине не мог пойти, но все мои товарищи, члены кружка Ив[ана] Мих[айловича], ходили и помогали. Было такое?»

С Иваном Михайловичем Андреевским, о котором идет речь в письме, о. Феодора познакомил известный религиозный философ Сергей Александрович Аскольдов-Алексеев. Это было летом 1924 г. в Царском Селе на даче Евгении Николаевны Харламовой, где жила наша семья. Хозяйка дачи была слушательницей Богословского института и близким другом наших родителей. Невдалеке от дачи находился санаторий Дома ученых. «Большинство из находившихся в санатории были уже духовными чадами о. Феодора. В садике дачи, где он жил, часто ходили академики, профессора Университета, Консерватории и др. научные работники и в этом садике происходили беседы на духовные и философские темы», — вспоминал много лет спустя Андреевский. Эти беседы продолжались и в нашей городской квартире. Многие имена ушли из памяти. Помним, что бывал Игорь Евгеньевич Аничков, Александр Александрович Мейер и его жена Ксения Анатольевна Половцева. Особенно горячо привязался к о. Феодору И. М. Андреевский и стал постоянным нашим гостем.

Наша семья жила в квартире № 7 на четвертом этаже дома на углу Лиговки и ул. Жуковского (№ 63), напротив Греческой церкви св. мученика Димитрия Солунского, окруженной пихтовым садиком. Этой квартире суждено было на несколько лет стать одним из духовных центров Ленинграда.

Отец давал нам полную свободу, и с утра до вечера мы царствовали во всей квартире, невольно слушая, разговоры взрослых и первыми встречая посетителей. Когда отец бывал дома один, мы неизменно обитались в кабинете возле него.

В конце марта 1925 г. после непродолжительной болезни скончался И. П. Щербов. Для отца это была большая утрата. Мама говорила, что основной чертой покойного было смирение. Об этом, свидетельствуют и стихи, которые о Феодор посвятил своему другу:

Мудры, как змеи, как голуби просты
Не сокрушат и надломленной трости,
И на распутье не слышен их глас.
Но это — соль и светильники мира,
Гости почтенные брачного пира,
Мудрые девы в полуночный час.

Похоронили Ивана Павловича на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. Могила его сохранилась, и мы, по мере сил, за ней ухаживаем. Вдова Щербова, Вера Васильевна, через несколько лет уехала в Муром и, по слухам, приняла там тайный постриг.

В апреле 1925 г. судьба первый раз грозно постучалась в нашу дверь. «Пришли», как тогда говорили, и забрали маминого брата Михаила Николаевича Фроловского. Ему только что исполнилось 30 лет. Окончив Александровский лицей, он в Первую мировую войну служил офицером в Семеновском полку, а затем в Красной армии. Демобилизовавшись, работал в Бюро книгообмена Академии Наук. Был в числе выпускников Богословского института в 1923 году. Михаил Николаевич был глубоко религиозным, талантливым и жизнерадостным человеком. С 1922 по 1925 год он являлся активным членом Александро-Невского братства. В его квартире несколько раз происходили собрания братства. Вечерами он занимался Законом Божиим с детьми в знакомых семьях. Вот и во время его ареста к нему пришел заниматься Священным Писанием Вася Дягилев, которого быстро втолкнули в комнату бабушки Михаила Николаевича. Она плакала и восклицала, какой Миша был всегда к ней добрый и внимательный.

М. Н. Фроловский проходил по «лицейскому делу». Это дело было заведено в связи с тем, что 19 октября 1924 г., по давней традиции, состоялась панихида по всем почившим лицеистам. Фроловский был одним из ее организаторов. Он морально очень тяжело переносил свое заключение. Тогда еще люди не привыкли к беззаконию, а никакой вины он за собой не чувствовал. Он был неплохим поэтом.

...Спит тюрьма и тяжело дышит,
Каждый вздох — тоска и стон.
Неподкупный камень слышит,
Богу всё расскажет он.

В начале июня М. Н. Фроловский получил 5 лет лагерей и был отправлен на Соловки. В 1928 г. его перевели в Кемь, где он работал дорожным мастером. После освобождения он уехал в Коми АССР. Здесь в мае 1929 г. он женился на Рахили Константиновне Афанасьевой, дочери ссыльного настоятеля кафедраль-

ного собора в Курске. По окончании срока ссылки вся семья переехала в Брянск. В 1932 г. у Фроловских родился сын Николай. Жилось им очень трудно. В 1940 г. Михаил Николаевич закончил Московский заочный институт инженеров коммунального хозяйства, и они немного вздохнули. За несколько недель до начала Великой Отечественной войны его вторично арестовали и отправили в Караганду, в Казахстан. Вскоре его семья оказалась в оккупации. Все письма Михаила Николаевича к маме были полны тоской и тревогой за семью. Как только Брянск был освобожден, Рахиль Константиновна сообщила маме, что они живы, и она тотчас отправила брату письмо, но... ответа не последовало. Через много лет его сын узнал, что отец скончался от пеллагры 12 сентября 1943 г. Застало ли его радостное известие в живых, никто уже не узнает. Еще в 1928 г. в Кеми Михаил Николаевич писал:

Хотелось мне спокойно тлеть
Там, где родные тлеют кости,
Чтоб внук пришел бы посидеть
С журналом новым к деду в гости,
А вот, быть может, кое-как
Схоронят всем чужое тело
И без поминок, натошак
Уйдут, сказав: «Готово дело!»

В освободившуюся комнату мама пригласила поселиться своего товарища по Богословскому институту молодого филолога Николая Александровича Александрова.

Есть чудесная фотография: на дорожке сада стоит св. Иоанн Кронштадтский. Он положил руку на головку маленького мальчика в матроске с большими серьезными глазами и ласково смотрит на него. Внизу подпись: «О. Иоанн Кронштадтский со своим крестником». Этим крестником и воспитанником был Н. А. Александров. В 1965 г. до него дошел слух о канонизации о. Иоанна Зарубежной Церковью. «Для меня лично это потрясающее событие, что я дожил до этого», — писал он маме.

Н. А. Александров родился в 1893 г. в Кронштадте. Отца он не знал. Мать была сестрой милосердия в местном госпитале. Будучи глубоко верующим человеком, она тяжело переживала свой «грех» и искала утешения в молитве и покаянии. Когда о. Иоанн крестил ее сына, он сказал: «Когда мальчик подрастет, отдай его мне».

Николай Александрович окончил Кронштадтское реальное училище, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Служил в старой и в Красной армиях, преподавал в школах. В 1921–23 гг. он был слушателем Богословского института и там познакомился с Наталией Николаевной. После краткого неудачного брака он оказался бездомным, и мама приютила его.

Николай Александрович был хорошего среднего роста, худошав. Его большие серые глаза скрывало пенсне. Он был сдержан, корректен и очень опрятен.

Он был умен, тонок, ироничен, немного педант, очень скромн и твердо придерживался высоких нравственных принципов. Единственной его страстью были книги. При каждом аресте он лишался своей библиотеки, но оказавшись на свободе, очень быстро обростал книгами. В революционные годы скоростно скончалась горячо им любимая мать, и он остался совсем одинок. Мы скоро и искренно к нему привязались и всю жизнь относились к «дяде Коле» как к родному человеку.

Из духовных лиц мы первым восприняли и запомнили имя св. митрополита Вениамина, который был глубоко почитаем в Петрограде. Мы так много и часто о нем слышали, вероятно, видели и портреты митрополита, что долго жили в твердом убеждении, что мы его видели. Образ святителя в голубой мантии и белом клобуке с золотым крестом стоит перед нами, как живой. Н. А. Александров был на процессе митрополита и рассказывал об этом неоднократно. А мама вспоминала, как она со своей матерью и братом в «19-м и 20-м годах ходили в Крестовую церковь митрополита Вениамина, в которой три ученых монаха, с его благословения, вводили уставное пение в богослужение и собирали для этого молодежь. Нами ведали о. Гурий и о. Лев, его брат».

Братья Егоровы — о. Гурий и о. Лев — посещали бабушкину квартиру на Лиговке еще до нашего в нее вселения. Они были в числе организаторов лаврского Александро-Невского братства. Оба брата имели хорошее светское образование. О. Гурий окончил Петровское Коммерческое училище и был кандидатом коммерции, а о. Лев окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Современник вспоминает о них: «О. Лев был светского направления и считал, что надо заниматься мирской культурой и привлекать светских людей. С 1925 по 1926 г. он служил “наемным батюшкой” — священники нанимали его для ранних обеден. Кроме того, он занимался переплетом книг... О. Гурий больше обращал внимание на внутреннюю сторону, на духовно-аскетическое направление. Он был очень хороший проповедник, необыкновенный духовник, обаятельный и приятный человек и умел привлекать к себе самых различных людей...»

О. Гурий был духовником бабушки, мамы и ее брата... Через 35 лет скитаний, лишений и гонений мама писала из Ленинграда Николаю Александровичу: «Вы спрашиваете, кто у нас здесь? Да, Владыка Гурий, и с ним все прошлое вошло в настоящее. Он все время служит в лавре. Мы с трудом узнали друг друга. С ним вошла тишина в душу — от этого имени».

В. В. Дягилев вспоминает: «У о. Феодора был свой кабинет, где я часто бывал на исповеди или беседовал с о. Феодором о житии святых, после ареста Михаила Николаевича. Незадолго до этого печального события у о. Феодора на квартире был молебен, который служил архиепископ Гавриил (Воеводин). Вся наша семья была приглашена. Моего отца, как наиболее опытного в церковном пении, просили руководить “хором”. Однако, как жаловался потом отец, руководить было некем. Присутствовавший протоиерей Христофор Варфоломеев, архимандрит Лев (Егоров) и сам Михаил Николаевич оказались певчими не слишком высокого уровня».

Об архиепископе Гаврииле и о. Христофоре мы нашли еще воспоминания современника, Н. А. Мещерского: «Владыка Гавриил был замечательным литур-

гистом. Он любил богослужение и способствовал закреплению традиций. Он непередаваемо прекрасно читал Евангелие, и при его ясной дикции его слышно было во всех уголках храма... Владыка Гавриил был маленького роста и имел вьющуюся могучую шевелюру, которая обрамляла все лицо немного кавказского типа. Владыка был очень милый человек, и его все любили».

Протоиерей Христофор «был культурный, интересный и примечательный человек. Родился он в Финляндии. Отец его был священником в Гельсингфорсе. Учился в Петербургской семинарии. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Семья его оставалась в Финляндии. Священство принял уже после революции».

Дягилевы приходились дальними родственниками нашей матери. Глава семьи Валентин Павлович был ее четвероюродным братом, но семьи издавна были очень дружны. В разное время все члены этой семьи были репрессированы. Такое даже в то страшное время случалось не часто.

После ухода о. Тимофея Налимова на покой духовником всей семьи стал о. Феодор. Для Дягилевых в течение всей жизни нравственными опорами были: **ЦЕРКОВЬ** и **МУЗЫКА**.

Генерал-майор Валентин Павлович Дягилев был начальником кафедры Военно-инженерной академии. Жизнерадостный, веселый, но с сильным характером, он был большим знатоком и любителем церковного пения, как впоследствии его младший сын Василий. У Валентина Павловича судьба была трагическая, как у многих бывших военных. Летом 1927 г. он был арестован, сослан на Соловки и в 1929 г. расстрелян.

Его жена Александра Алексеевна была строгой, сдержанной, твердой в своих убеждениях. Она имела большое влияние на своих четырех сыновей. Старшие сыновья Дягилевых, Павел и Алексей, были убиты в Гражданскую войну. А. А. Дягилева имела специальность медицинской сестры. Она была арестована вместе с мужем, была осуждена на три года заключения в концлагерь, замененных высылкой в Сибирь, в г. Тару.

Оставшись одни, мальчики — Сережа 16 лет, Вася 14 лет — распродавали вещи, а обедать ходили к родным и друзьям. Сережа заканчивал школу, и директор, войдя в его положение, позволял пропускать занятия в дни, когда разрешали свидания или передачи родителям. Сережа ездил к отцу на Соловки, навещал и мать в Таре. Когда Вася закончил школу в 1928 г., он уехал жить к матери в Сибирь.

В начале 1927 г. о. Феодор был возведен в сан протоиерея. По воспоминаниям В. В. Дягилева, это происходило в Вознесенской церкви.

Вечерами о. Феодор был «умственно занят философией Библии с небольшим кругом интеллигентных лиц и веду ее параллельно с философией литургии», — как он писал о. Павлу Флоренскому. Постоянными участниками этих собраний были Н. А. Александров и И. М. Андреевский.

Последний был очень яркой и противоречивой личностью. Высокого роста, с остроконечной бородкой, пронизательными глазами психиатра и несколько небрежно одетый, он был горяч, красноречив и довольно несдержан в споре. В его натуре не было цельности, он бывал не в ладах с истиной, особенно когда это

касалось его личности, но был мужественен и очень активен. Об Андреевском как о своем учителе с благодарностью вспоминает в своих книгах Д. С. Лихачев.

Иван Михайлович познакомил нас со своей семьей: женой и сыном Мишуткой. Несчастный мальчик сильно косил, и это привело его к гибели — он утонул в болоте, лова свою черепаху. Андреевские жили трудно, и им помогали, кто чем мог. И. М. Андреевский был арестован в феврале 1928 г. вместе с другими членами созданного им братства св. Серафима Саровского и сослан на Соловки.

Освободившись, он жил на станции Оксочи Октябрьской ж. д., где заведовал интернатом для дефективных детей. В 1935 г. он оставил семью и женился на Елене Михайловне Сосновской, большом друге нашей семьи, с которой он у нас и познакомился. В 1937 г. у них родилась дочь Мария, ставшая впоследствии талантливым филологом.

В Оксочах Андреевский опекал семью находившегося в лагере протоиерея Викторина Добронравова. Жену его Анну Константиновну он устроил на работу к себе в интернат и присматривал за подростками: Серафимом и Зоей. Весной 1937 г. в Оксочи после освобождения приехал о. Викторин, но через несколько месяцев он был вновь арестован и расстрелян. В том же году Андреевского перевели в Новгород, и он взял с собой семью о. Викторина. Его собственная жена и дочь были в Ленинграде, и их там застала Великая Отечественная война. Огромными усилиями М. В. Юдиной удалось их вывезти из осажденного города, но мужа и отца своего они уже никогда больше не видели. Во время оккупации Иван Михайлович женился на вдове о. Викторина — так было легче защищать беспомощную вдову — и удочерил Зою. Серафим был убит на фронте в первые дни войны. Андреевский с новой семьей был увезен в Германию, и после войны им удалось уехать в Америку. Чтобы избежать насильственного водворения на родину, Иван Михайлович взял псевдоним Андреев. Его американский биограф так объясняет появление этого псевдонима: «...Аскольдов же подвел И. М. Андреевского к первому и наиболее строгому “церковному” влиянию в его умственной и духовной жизни: к отцу Феодору Константиновичу Андрееву, чью фамилию он и взял впоследствии в знак великого почтения к нему».

Среди новых друзей нашей семьи очень близким человеком стала Анна Сергеевна Ругевич, врач-инфекционист. Она была подругой В. В. Щербовой по Медицинскому институту, хорошо знала и И. П. Щербова, была прихожанкой Сергиевского собора и духовной дочерью о. Феодора. Анна Сергеевна жила неподалеку и часто нас навещала. Любя детей и имея к ним подход, она незаметно стала нашим «домашним врачом». Через 20 лет дочь о. Феодора Анна вышла замуж за ее племянника Дмитрия Борисовича Можайского. А. С. Ругевич познакомилась с нашими родителями М. В. Юдину и М. М. Бахтина.

В наши дни оба эти имени внесены в энциклопедии, о них пишут книги, исследования, они получили мировую известность. В те годы их слава только начиналась. М. В. Юдина была молодым профессором Ленинградской консерватории, очень талантливой пианисткой, в которой знатоки прозревали будущего музыканта-мыслителя. Об этом времени замечательно писала сама Мария Вениаминовна в письме к архимандриту Герасиму (Прокофьеву) в 1965 г.: «Я крестилась из еврейства в Православие девятнадцати лет в 1919 году в Петрограде

в храме Покрова Божьей Матери у протоиерея Николая Чепурина. Потом я ушла от него в поисках большей строгости. Пела в хоре храма Спаса-на-водах и сподобилась лицезреть светозарную фигуру отца Михаила Прудникова. Потом Господь привел меня к о. Феодору Андрееву, ярчайшей звезде богословия и пастырства... Руководство покойного о. Феодора было поистине суровой школой, был он замечательным проповедником и, имея семью, являлся человеком “не от мира сего” и весь пронизан был эсхатологическими чаяниями. В эти времена, как вы, конечно, знаете, были церковные события и разделения на разные юрисдикции... мы все волновались наподобие эпохи Вселенских Соборов... Я каждое воскресение своими глазами лицезрела в храме Воскресения-на-крови хиротонии молодых священников и диаконов, из коих, вероятно, каждый знал, что идет если не на смерть, то на подвиг, — то были страсотерпцы, праведники, мученики, подвижники... Были пожилые или средних лет иереи... считаю своим долгом упомянуть тех, “чей ремень обуви я недостойна развязать”, как говорили древние — о. Иоанна Никитина, о. Сергия Тихомирова, о. Николая Ушакова, о. Викторина Добронравова, о. Алексея Воскресенского и всех подвижников и светочей Православной Церкви того огненного времени.

Примерно в то же время и я сподобилась — меня довольно шумно изгнали из профессуры Ленинградской консерватории».

Марию Вениаминовну изгнали за религиозные убеждения, которые она не скрывала. Она часто бывала у нас и подружилась с мамой. Этой дружбе и памяти о. Феодора она никогда не изменяла. Оставив консерваторию, она на несколько лет уехала в Тбилиси, а потом устроилась в Москве.

М. М. Бахтин — филолог, философ, историк культуры — происходил из дворян Орловской губернии. Он учился в Новороссийском и Петроградском университетах. С 1917 по 1923 г. жил в Невеле, где вокруг него сложился круг из талантливой молодежи, друзей и единомышленников. Среди них была и юная пианистка Мария Юдина, дочь местного врача. С этого времени и началась дружба Марии Вениаминовны с Михаилом Михайловичем и его женой Леночкой. В 1924 г. Бахтины приехали в Петроград и поселились недалеко от Ругевичей и от нас.

В эти годы люди, связанные взглядами, интересами, личными знакомствами, еще не боялись собираться для общения, музицирования, чтения, стихов, обмена мнениями. Бахтины посещали некоторые такие кружки. Но арестован М. М. Бахтин был в декабре 1928 г. по делу мейеровского кружка «Воскресение», в котором он не только никогда не был, но и не разделял царившие там мнения. Однако Бахтин хорошо был знаком с А. А. Мейером и некоторыми членами кружка, и этого оказалось достаточно, чтобы осудить его наравне с другими и дать суровый приговор — 5 лет Соловецких лагерей. Бахтин страдал хроническим остеомиелитом, из-за которого через несколько лет лишился ноги, и друзья, в том числе Юдина, принялись за него хлопотать. Лагерь был заменен высылкой в г. Кустанай в Казахстане. Отбыв ссылку, Бахтины переселились в Саранск. Все военные годы они прожили в Савелово под Москвой, где Бахтин был школьным учителем. После войны они вернулись в Саранск и только в 60-е гг. получили разрешение поселиться в Москве. Первая книга Бахтина «Проблемы поэтики

Достоевского» вышла в 1929 г., когда он уже был в тюрьме. В 1965 г. была издана знаменитая его книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» и другие его работы. По этой книге он защитил кандидатскую диссертацию. М. М. Бахтин скончался в Москве в 1973 г., на три года пережив своего пожизненного друга М. В. Юдину.

У о. Феодора Бахтин был несколько раз, но мы его совсем не помним. По словам дочери И. М. Андреевского Марии Ивановны, в разговоре с ней в Москве в 60-е гг. Бахтин назвал о. Феодора среди трех умнейших людей, встреченных им в жизни (два других — А. А. Мейер и П. А. Флоренский).

14 июля 1927 г. о. Феодор был в первый раз арестован. Продержали его в тюрьме до 31 августа и выпустили под подписку о невыезде «за недоказанностью обвинения».

Еще когда отец был в тюрьме, вышла знаменитая Декларация митрополита Сергия (Страгородского), взбудоражившая все умы. Мама неоднократно говорила, что о. Феодор был аполитичен. Но Церковь для него была превыше всего, и он принял самое деятельное участие в движении сопротивления церковной политике митрополита Сергия. Участники этого движения стали называться «иосифлянами» — по имени митрополита Иосифа (Петровых), выступившего против всяких компромиссов с властью. Их оппоненты назывались «сергианами».

Митрополит Иосиф был хорошо известен в Ленинграде. Как вспоминает В. В. Дягилев, «в конце лета 1926 г. в Ленинград прибыл вновь назначенный митрополит Иосиф. Произошло это несколько неожиданно, но весть о том, что Владыка будет совершать свою первую службу накануне праздника св. Александра Невского 29 августа вечером быстро распространилась по городу. О. Константин Быстревский, ехавший ко всенощной на трамвае по Старо-Невскому, видел, как по направлению к лавре движется множество народа. Кроме митрополита служило 7 архиереев: Гавриил (Воеводин), Алексей (Симанский), Николай (Ярушевич), Серафим (Протопопов), Григорий (Лебедев), Димитрий (Любимов) и Сергей (Дружинин). Служило 32 священника и среди них о. Феодор Андреев».

Поздней осенью 1927 года отец ушел из Сергиевского собора. 26 декабря епископ Гдовский Димитрий, который стал главою сопротивления сергианству, объявил, что он и его единомышленники порывают молитвенное общение с митрополитом Сергием. Это произошло после того, как ездившая к митрополиту Сергию делегация в составе: Владыки Димитрия, о. Василия Верюжского, И. М. Андреевского и профессора университета С. С. Абрамовича-Барановского с обращением от духовенства и мирян (составленного о. Феодором Андреевым), вернулась с отказом митрополита Сергия изменить проводимую им церковную политику.

Протоиерей Василий Верюжский предоставил свой храм Воскресения Христова Владыкам Димитрию Гдовскому и Сергию Нарвскому.

В. В. Дягилев продолжает: «В день моих именин, 1/14 января 1928 года, статус храма Воскресения не был еще определен. По совету о. Феодора мы с братом пошли причащаться в Греческую церковь, где не поминали ни митрополита Сергия, ни Советскую власть. Служил о. Петр Ивановский. О. Феодор был в ал-

таре, но не служил, лишь сам причащался, и вышел вместе с о. Петром и помогал ему причащать молящихся.

К празднику Богоявления храм Воскресения стал “иосифлянским”. Штатных священников было определено архиепископом Димитрием четыре: о. Василий Верюжский (настоятель), о. Иоанн Никитин, о. Никифор Стрельников (ключарь) и о. Феодор Андреев. Кроме них служили братья Тихомировы — о. Александр и о. Сергей. Протодиаконы — о. Иоанн Быстрыков и о. Михаил Яковлев... Особенно мне запомнились службы на Страстной неделе. Как сейчас, представляю себе литургию преждеосвященных даров, которую служил Владыка Сергей Нарвский, а о. Феодор выносил во время великого входа Святую чашу. Вечером в Страстной четверг во время последования Святых Страстей о. Феодор читал 10-е Евангелие. Служили оба архиерея. Чаше я стал замечать, что о. Феодор во время проповеди с трудом “хватает” воздух — сказывалась сердечная недостаточность».

Мы тогда, конечно, не понимали событий, происходивших в жизни Церкви, замечали только, что среди посещающих отца стало больше духовенства. Наша квартира в известных органах стала называться «главным штабом “иосифлян”». К отцу за разъяснениями и советом относительно канонического обоснования отложения от заместителя местоблюстителя приезжали батюшки из разных мест России.

Летом 1928 г. наша семья жила в дачном поселке Тайцы недалеко от Гатчины. Помним, что родители брали нас с собой в местный храм св. Алексия Митрополита Московского, иосифлянского направления, настоятелем которого был молодой священник о. Петр Белавский. В одном доме с ним жил Владыка Димитрий, который часто приходил к нам на дачу.

...Теплый летний день. Мы стоим на балконе мансарды дачи. Внизу под нами пестрит цветами лужайка. В отдалении, ближе к ограде сада, за столом под высокими елями сидят о. Феодор, Владыка Димитрий и Михаил Александрович Новоселов. Мы смотрим на самое для нас дорогое лицо отца, на немного торжественное и строгое лицо Владыки, обрамленное белыми, как снег, выющимися волосами и бородой, на широкую спину «дедушки», как мы называли Новоселова, часто гостившего у нас в городе и на даче и ставшего совсем «своим» человеком, и эта картина кажется нам мирной и уютной. А трагические события жизни собеседников были уже на пороге...

Это был последний приезд Новоселова в Ленинград — осенью его арестовали. Имя М. А. Новоселова до революции было известно всей просвещенной России. В советское время оно замалчивалось. Теперь оно вновь вернулось на страницы философских и богословских трудов, энциклопедий, справочников и т.д. Издана переписка Новоселова с Флоренским и его известная книга «Письма к друзьям». Но есть одно обстоятельство, которое нас очень беспокоит. В исследованиях, посвященных репрессиям советского времени, связанным с религиозными убеждениями, при упоминании М. А. Новоселова все чаще встречается в скобках пометка «(епископ Марк)». Если в первых работах еще делались оговорки: «по некоторым данным», «по непроверенным сведениям» и т. п., то теперь они снимаются, и «епископ Марк» звучит как данность.

Впервые легенда о «епископе Марке» появилась после войны. Говорилось даже, что «епископ Марк», т. е. М. А. Новоселов, был освобожден или даже бежал из лагеря и живет в Сибири. Мама и все, кто лично знал Михаила Александровича, категорически это отрицали. Было известно, как пишет Н. А. Бердяев, что «у него [Новоселова] не было клерикализма и поклонения авторитетам иерархии... Он признавал лишь авторитет старцев». Михаил Александрович с середины 1922 г. находился на нелегальном положении. Зачем же он через год, как утверждают защитники легенды о «епископе Марке», принял сан епископа — он, считавший епископов «чиновниками синодального ведомства»? Если бы он принял постриг, предчувствуя, что его ждет насильственная смерть за Веру, было бы логичнее.

Возможно, что человек, давший ход легенде, прочел другое высказывание того же Бердяева: «Очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный, даже хлопотливый, очень участливый к людям, вечно готовый помочь, особенно духовно. Он производил впечатление монаха в тайном постриге». Было известно также, что Новоселов из Святых Отцов особенно почитал египетского пустынножителя и подвижника Марка, жившего на рубеже IV и V вв. н. э. Вот и имя готово.

Трудно себе представить, чтобы о столь важном событии в жизни М. А. Новоселова не знали такие его близкие друзья, как И. П. Щербов, П. А. Флоренский и о. Феодор Андреев.

Насколько нам известно, до сих пор документа о хиротонии Новоселова, будто бы хранящегося в его архивах в недрах ФСБ, никто не видел. Мы же, просматривая папки «Дела № 100256», по которому проходила наша мать, кажется, первыми обнаружили справку о вынесении смертного приговора «тройкой» М. А. Новоселову, но ни разу не встретили упоминания о «епископе Марке».

В «Новомучениках» протопресвитера М. Польского М. А. Новоселов упоминается как мирянин, а автор указанных двух томов очень тщательно готовил материал для своих книг.

У Михаила Александровича, человека, стремившегося «жить по вере» и отдавшего жизнь за нее, человека «чистой души и намерений», как сказал о нем В. В. Розанов, и без епископского сана есть основания предстать перед Господом среди праведников.

25 сентября 1928 года о. Феодор был арестован во второй раз. Когда за отцом пришли, у него находился о. Анатолий Жураковский, пришедший исповедаться. Кто-то спрятал его за дверь в проходной комнате, где о. Анатолий и простоял все время, пока длился обыск, и его жизнь на свободе была продлена на два года.

Одновременно был арестован и псаломщик о. Феодора Андрюша Карцев. Андрюша потом рассказывал Васе Дягилеву, как он из окна камеры увидел вышедшего на прогулку о. Феодора и крикнул в форточку: «Батюшка, благословите!» Батюшка повернулся к нему и широким жестом благословил. 7 декабря, в день св. великомученицы Екатерины, о. Феодора и всех, кто был взят вместе с ним, выпустили из тюрьмы, «не найдя компромата».

...Мы видим себя в нарядном храме Воскресения. Свет от люстр, лампад и свечей мерцает и переливается во множестве мозаик и в окладах икон. Но от

обилия камня и мрамора храм кажется холодным. На амвоне в облачении и камилавке с крестом в руках стоит наш отец. Память о нем и его образ давали нам нравственную опору в течение всей нашей жизни. Он произносит проповедь, и народ благоговейно слушает. Мы поднимаем головы и рядом с собой видим красивое лицо нашей матери. Она печально смотрит на мужа, будто бы предчувствуя его близкую кончину и тот трудный, скорбный путь, который ей предстоит пройти за него.

Отцу сослужит черноволосый протодиакон о. Михаил Яковлев. Он прожил долгую жизнь, и судьба его была необыкновенна. Сыновья о. Михаила, наши друзья Аркадий и Авенир, в парчовых стихарях прислуживают при архиерейском служении. На клиросе за аналоем стоит высокий темнокудрый юноша Андрияша Карцев. Его в нашей семье все любили и жалели. Он страдал жестокими припадками эпилепсии. Ему было из-за этого очень тяжело в лагере. Лагерное начальство, врачи и товарищи считали его симулянтом и обращались с ним жестоко.

О. Феодор с отроческих лет страдал пороком сердца. Тюрьма, лишения, постоянное переутомление подрывали его силы. Заключение тюремных врачей после его первого ареста уже было тяжелым: «Расширение сердца, крайнее истощение, ревматизм, аритмия, комбинированный порок сердца, инвалид». Весной 1929 года он простудился во время многочасовой исповеди и слег с воспалением легких. Болезнь осложнилась тяжелейшим эндокардитом. Около отца были известные врачи и опытные медицинские сестры. Спасти его было невозможно: у него не оставалось жизненных сил.

23 (10) мая, накануне праздника св. равноапостольных Кирилла и Мефодия, о. Феодор скончался. Чувствуя приближение смертного часа, он не переставал думать о судьбе Церкви. Он говорил жене: «Я все думаю о происходящих событиях и вот, проверяя себя перед лицом смерти, одно могу сказать: “с тем умом и с той душой, которые дал мне Господь, я иначе поступить не мог”».

Несколько дней перед кончиной о. Феодора у нас прожил иеромонах Иннокентий (Шишкин) — будущий епископ. Он соборовал о. Феодора и читал над ним Евангелие в минуту смерти. Приезжал проститься с о. Феодором архиепископ Димитрий.

...Мы сидим на широком подоконнике и смотрим, как, пересекая Лиговку, тянется бесконечная похоронная процессия нашего отца и медленно уходит по 2-й Рождественской в сторону лавры...

Отпевал отца в храме Воскресения в четверг недели Жен-Мироносиц архиепископ Димитрий, он и хоронил его на Братском участке Никольского кладбища лавры. Над могилой владыка Димитрий сказал: «Я сегодня хороню сына...» Много лет спустя мы слышали такое предание: будто бы кто-то из присутствовавших на похоронах владыки Димитрия в 1935 году в Ярославле на кладбище недалеко от тюрьмы, где он скончался, взял горсть земли с его могилы и захоронил ее в могилу о. Феодора.

После смерти отца мама продолжала «кипеть», по ее выражению, в церковно-общественных делах. Два раза Наталия Николаевна ездила в Николо-Моденский монастырь под г. Устюжну к митрополиту Иосифу (Петровых), Не зная

о кончине о. Феодора, к нам продолжали приходиться «ходоки» из разных мест с вопросами и сомнениями, а иногда просто с просьбой помочь с богослужебными книгами, иконами, миром для разоренных храмов. Маме в этих делах с увлечением помогала поселившаяся у нас киевлянка Валентина Николаевна Ждан. Впервые она приехала в Ленинград в 1927 году по поручению киевского духовенства, оценившего ее ум, энтузиазм и энергию, к владыке Димитрию и о. Феодору. Вскоре она перебралась в Ленинград совсем. К ней часто заходил жених — красивый, веселый молодой математик Сергей Леонидович Яснопольский. Оба они были членами молодежной общины о. Анатолия Жураковского в Киеве. Валя и Сережа много времени проводили и с нами, и мы к ним привязались. Через два года Валентина Николаевна, а потом и Сергей Леонидович были арестованы по «церковному делу» и отправлены в разные лагеря. Валю — под Ухту, а Сережу — в Балтлаг, на «Медвежку», куда через год перевели и Валю, и они там встретились.

По окончании срока заключения судьба их вновь разлучила, и окончательно соединились они в 1942 году, а в 1944 году обосновались в Москве. Это стало возможно благодаря связям и влиянию отца Сергея Леонидовича, видного украинского академика-экономиста Л. Н. Яснопольского.

Долгие годы квартира Яснопольских в Москве была нам родным домом, когда мы приезжали в столицу. Валентина Николаевна похоронила мужа в Москве в 1983 году, а ее мы провожали в последний путь в начале октября 1998 года на Северное кладбище Санкт-Петербурга, туда, где покоится и прах нашей матери.

В конце жизни Валентина Николаевна вспоминала только годы, проведенные в Ленинграде, арест, следствие, лагерь, своих друзей и говорила, что не хотела бы изменить свою судьбу — такой насыщенной духовной жизнью они тогда жили и столько замечательных людей она знала. Перед отъездом из Москвы, за год до кончины, она попросила родных подвезти ее к храму Христа Спасителя и вошла помолиться в недавно освященную нижнюю церковь. Было ей 94 года.

Поздней осенью 1929 г. были арестованы архиепископ Димитрий, о. Петр Белавский, о. Николай Прозоров, протоиерей Сергей Тихомиров и протоиерей Иоанн Никитин.

О. Николай Прозоров после смерти о. Феодора стал правой рукой владыки Димитрия. Ему было всего 32 года, но он уже имел богатую биографию. Родился о. Николай в Воронеже. В 1915 г. ушел из Духовной семинарии на фронт добровольцем. Получил чин подпрапорщика. Вернувшись в Воронеж во время Гражданской войны, был обвинен в заговоре вместе с другими офицерами и приговорен к расстрелу. Горячо молясь перед казнью, он дал обет пойти в священники, если останется жив. Расстрел заменили заключением в тюрьму, и он выполнил обет. В Воронеже о. Николаю не разрешили служить. Он поехал в Петроград и стал настоятелем маленькой деревянной церкви св. Александра Ошевенского на Пискаревке. В 1929 г. о. Николай перешел в храм Воскресения.

На допросах о. Николай держался мужественно и независимо и был приговорен к расстрелу. Его сокамерник вспоминал: «Когда ночью о. Николая вызвали с вещами, о. Николай стал быстро одеваться и укладывать в соломенную картонку свое тюремное имущество. Вся камера замерла... мне ясно было видно его

просветленное какой-то неземной радостью мужественное окаймленное черной бородой лицо... На пороге он обернулся к нам и громко сказал: “Господь зовет меня к Себе, и я сейчас буду с Ним”. Дома у него оставались три дочки 6-ти, 4-х и 2-х лет».

Вместе с о. Николаем был расстрелян 57-летний протоиерей Сергей Тихомиров. И. М. Андреевский так вспоминал о нем: «О. Сергей Тихомиров был глубокопочитаемым священником. Многие профессора Петербургского университета и других высших учебных заведений были его духовными чадами... Аскет, замечательный проповедник, часто посещавший Оптину Пустынь и находившийся в духовном общении с оптинскими старцами, о. Сергей в свою очередь мог быть назван старцем. В тюрьме о. Сергей вел себя чрезвычайно мужественно, обличая безбожие, несмотря на угрозы и побои. Сидел он в одиночном заключении».

У о. Сергия при обыске нашли послание митрополита Антония (Храповицкого), поэтому приговор был суров. О. Сергия и о. Николая расстреляли под праздник Преображения.

Протоиерей Иоанн Никитин был прекрасным проповедником. «Он наш трибун», — говорил про него владыка Димитрий. О. Иоанн получил 10 лет лагерей. О. Петр Белавский был осужден на 5 лет заключения в Соловецкий лагерь.

Летом 1930 года в Сибири была вновь арестована А. А. Дягилева, мать Васи, и привезена для следствия в Ленинград. Сын вернулся вместе с ней. Наша мать упростила владыку Сергия (Дружинина), который после ареста владыки Димитрия управлял иосифлянскими храмами, взять Васю Дягилева в таицкую церковь регентом и псаломщиком. В это лето мы опять жили в Тайцах, и оба брата Дягилевы — Сергей и Василий — часто у нас бывали. А в конце декабря 1930 г. Вася был арестован. Обвинения своего он никогда не видел.

Недавно нам в руки попала справка о реабилитации В. В. Дягилева, и мы переслали ее в Кострому, где уже много лет как обосновался Василий Валентинович Дягилев, майор десантных войск, прошедший Великую Отечественную войну, кандидат медицинских наук, — врач-невропатолог и предводитель костромского дворянства. С большим удивлением он узнал, что в 17 лет «состоял в контрреволюционной монархической церковной организации “истинные”, руководил ячейкой на ст. Тайцы, воспитывал верующих в к[онтр]/р[еволюционном] духе с целью подрыва и свержения сов[етской] власти». (Осужден к заключению в концлагерь на три года и отправлен в г. Мариинск для отбытия наказания.)

Вместе с В. В. Дягилевым в Мариинском лагере оказались: о. Викторин Добронравов, о. Никифор Стрельников, архимандрит Клавдий (Савинский). архимандрит Лев (Егоров) и др. И во время этапа в столыпинском вагоне, и в лагере в бараке совершалось богослужение. Кто-то из батюшек подавал возгласы, второй читал ектенью, а остальные вполголоса пели, сидя вокруг на нарах.

О. Клавдия Савинского мы совсем не помним. О. Никифор Стрельников, ключарь храма Воскресения, служил очень истово. Он был высокий, дородный, красивый. Кандидат богословия. После освобождения из лагеря был сослан в Алма-Ату, в Казахстан, и там расстрелян в 1937 году.

О. Викторина Добронравова мы помним хорошо. Он был очень известен. Высокого роста, с темно-каштановыми волосами и одухотворенным лицом, он

был очень красив. Несмотря на молодость (33 года), держался степенно. О. Викторин открыто придерживался крайне критического отношения к церковной политике митрополита Сергия. Он несколько лет был настоятелем церкви св. Николая Чудотворца на Петровском острове при Доме ветеранов сцены. Здесь же он и жил со своей семьей в церковном доме. Прихожане любили и глубоко чтили своего батюшку, и, когда после закрытия церкви о. Викторина перевели на Ржевку, многие из них стали туда ездить. Мы уже писали о судьбе его семьи и о трагическом конце самого батюшки.

В конце 1930 г. был арестован и 67-летний епископ Сергей (Дружинин), который, так же как и владыка Димитрий, подписал акт отложения от митрополита Сергия. Он не имел богословского образования. Постригся в Троице-Сергиевой пустыни и там же впоследствии принял сан иеромонаха. В этом сане он был на русско-японской войне. Позднее, уже архимандритом, он стал настоятелем пустыни. Архимандрит Сергей был духовником великого князя Константина Константиновича и его семьи и служил в церквях при дворцах великого князя в Стрельне и в Павловске.

По воспоминаниям В. В. Дягилева владыка Сергей был мудрый, добрый, но мог быть и резким. Владыка был близок с семьей о. Михаила Яковлева. Вот что пишет о нем сын о. протодиакона Авенир Михайлович: «Полный, розовощекий, добродушный, с мягкой улыбкой (таким я его помню) ...он бывал в нашем доме на праздниках, любил нашу семью... Епископ Сергей подарил нам свою фотографию с трогательной надписью: “Посошнику моему отроку Аркадию Яковлеву и лампаднику Авениру Яковлеву, а также и родителям их преподносится сей портрет на долгую и добрую память. Да хранит вас Господь. Благословение Божие да будет над вами”».

Существовало предание, что владыка Димитрий скончался в 1935 г. в Ярославской тюрьме на руках у владыки Сергия, который тоже там находился. Затем его сослали в Йошкар-Олу и там в 1937 г. расстреляли.

Наша мать Наталия Николаевна была арестована 21 сентября 1930 г., в день Рождества Богородицы. Снова обыск, к которому мы уже привыкли, опечатан кабинет отца и конфискованы архив и библиотека. Мама проходила по сфабрикованному делу «Истинно-православной церкви». Следствие было начато в Ленинграде, а потом Наталию Николаевну перевели в Москву, на Лубянку. К делу были привлечены достойнейшие люди. Главными идеологами были объявлены М. А. Новоселов и замечательный мыслитель, философ и ученый А. Ф. Лосев. Главные исполнители: митрополит Иосиф (Петровых) и архиепископ Димитрий (Любимов). Следствие длилось около года. Два месяца мама провела в одиночке, где у нее случился первый приступ эпилепсии. Маму пугали тем, что ее мать арестована, а мы отданы в детский дом. Ей присудили 5 лет заключения в концлагере. При маминой неприспособленности к практической жизни она легко могла там погибнуть. Спасла ее от лагеря М. В. Юдина, выхлопотав через Екатерину Павловну Пешкову замену лагеря вольной ссылкой на 3 года в Алма-Ату.

Вот как об этом рассказывает сама Мария Вениаминовна: «Наталия Николаевна была красива, одарена, очаровательна и многострадальна. И мужественна — год сидела на Лубянке, во внутренней тюрьме, и когда от нее не добились на

допросах искомого ответа, ей кричали: “Посидишь в одиночке — вспомнишь!”... Но ее не били, к счастью. Она, Наташа-то, никого и ничего не предала. Конечно, “закваска-то” ее была уж очень хороша и прочна. Я-то ее и нашла в Бутырской тюрьме, ибо она вдруг “пропала” у нас в Ленинграде. ...Это делалось так: передавались передачи — в ряде тюрем — ответ гласил: “такого-то нету”. А вдруг и брали: человек нашелся!! Когда на Бутырках взяли у меня как-то сладкий пирог, я рыдала слезами счастья, и многие люди из громадной толпы-очереди радовались за меня. Горе всех сближало и облагораживало, все “несли тяготы друг друга”. Тут-то и начались мои хождения по мукам — у драгоценнейшей Екатерины Павловны Пешковой, в приемной прокуратуры ГПУ».

Перед этапом (очень тяжелым) бабушка возила нас в Москву на Лубянку на свидание с мамой. Осталось в памяти пустое казенное помещение, узкий коридор, образованный металлической сеткой, по которому шагает конвойный и за ним в маленьком окошке прекрасное лицо нашей матери. Она плачет и ничего не может сказать.

Вслед за этапом, увозившим маму, в Алма-Ату выехала М. В. Юдина и провела там несколько недель, пока они не нашли постоянное жилье и мама не устроилась на работу.

В Алма-Ате мама познакомилась с тремя ссыльными молодыми москвичами. Двое из них, математики Владимир Николаевич Щелкачев и Петр Александрович Черемухин, проходили по одному делу с Наталией Николаевной. Третьим был филолог Петр Викторович Гнедич, правнук переводчика «Илиады», осужденный по другому церковному делу. Гнедич и Черемухин приняли впоследствии духовный сан — первый стал священником, второй — иеромонахом с именем Павел.

В. Н. Щелкачев на сегодняшний день — единственный оставшийся в живых из 48 осужденных по сфабрикованному делу «контрреволюционной организации Истинно-православная церковь». Заслуженный деятель науки, профессор, выдающийся специалист в области разработки и исследования нефтяных месторождений, он в свои 92 года продолжает работать на кафедре теоретической механики Московского института нефти и газа, которую занимал в течение нескольких десятилетий. Одновременно он читает в храмах лекции на тему «Религия и знание»¹.

В. Н. Щелкачев никогда не изменял своим убеждениям православного христианина, подтверждая их поступками. Так, в последние довоенные годы, когда мы еще учились в Школе, он материально систематически поддерживал маму. После ее смерти он сохраняет добрые дружеские отношения с нами.

После ареста мамы нашей опекуншей стала бабушка Екатерина Константиновна Фроловская, работавшая бухгалтером в Академии наук. А за наше воспитание решительно взялась Надежда Михайловна Черняева. В основе ее метода

¹ Владимир Николаевич Щелкачев продолжал активно работать на кафедре до 93 лет, потом его нагрузка стала постепенно сокращаться. В 95 лет он присутствовал на презентации своей книги. После этого он несколько раз собирался уйти на пенсию, но его просили остаться, называли его «живой легендой» нефтяной промышленности. В. Н. Щелкачев скончался 13 апреля 2005 г. в возрасте 97 лет.

лежало спартанское воспитание, которое она получила сама. Мы проводили с ней большую часть дня и очень к ней привязались. У нее открылся педагогический талант, и за пять лет она подготовила нас к предстоящей жизни в суровых условиях.

Имя отца Надежды Михайловны генерала М. Г. Черняева когда-то знал весь мир. Он прославился беззаветной храбростью и решительностью во время завоевательных походов в Среднюю Азию и особенно как военачальник, возглавивший Сербскую Добровольческую армию во время освободительной войны с Турцией 1877—78 гг. Но генерал был небогат. Его имение «Тубышки» Могилевской губернии приносило небольшой доход, а семья была большая: сын — офицер Преображенского полка и пять дочерей. Младшие дочери-близнецы Татьяна и Надежда были волевыми, решительными, смелыми, ловкими, но совсем не светскими девушками. После смерти генерала мать повезла дочерей представлять ко двору. Сироты-бесприданницы были никому не нужны. Надежда Михайловна с ненавистью вспоминала светские балы, рауты и приемы. Летом сестры, живя в своих любимых «Тубышках», лечили крестьян, устроив в имении амбулаторию. Когда началась Первая мировая война, Татьяна и Надежда поступили на курсы сестер милосердия и, окончив их, отправились на фронт в санитарном поезде великой княгини Марии Павловны.

Во время революции, как мы писали выше, Татьяна Михайловна вступила в одну из многочисленных религиозных общин, была арестована и скончалась в Тюмени на руках сестры.

Вернувшись в Петроград, Надежда Михайловна поселилась со своей старшей сестрой Верой Михайловной Христианович и стала работать в поликлинике. Она всегда одевалась в черное и никогда не снимала черной длинной косынки сестры милосердия и всем обликом напоминала монахиню. Надежда Михайловна была духовной дочерью о. Феодора, ухаживала за ним во время его последней болезни и присутствовала при его кончине.

После смерти отца мы оказались несколько заброшенными: бабушка работала, мама была поглощена церковными делами, няня Наталия Захаровна вела дома все хозяйство. Видя это, Надежда Михайловна начала бывать у нас каждый день, занималась с нами (нас отдали сразу в 3-й класс школы) и приучала к дальним прогулкам. Часто мы с ней бывали на могиле о. Феодора.

После закрытия храма Воскресения Христова нас возили в Лесное в Троицкую церковь, где служил о. Александр Советов. Путь на дребезжащем трамвае, всегда переполненном, казался нам очень долгим. Церковь была маленькая, деревянная, народу набивалось много, было жарко и душно. Бедный о. Александр страдал припадками астмы и после литургии всегда отдыхал, лежа на диване. Бабушка обязательно каждый раз после богослужения водила нас в дом к о. Александру под благословение. Нам было неловко тревожить батюшку, чье бледное лицо, окаймленное черными вьющимися волосами, лежащее на подушке, мы помним до сих пор.

Теперь мы понимаем всю тяжесть тогдашнего положения бабушки. Дочь в ссылке. Сын с семьей бедствует в Брянске — из-за судимости его на хорошую работу не принимают. Время суровое — идет коллективизация. Сама она посто-

янно боится попасть под сокращение на работе. Остается одна опора — Церковь и молитва.

Бабушка Екатерина Константиновна выросла в Гельсинфорсе в семье военного. Ее отец генерал-майор К. А. Чернявский был начальником военных инженеров Финляндского военного округа. Из семерых детей Чернявских младшая дочь Екатерина отличалась религиозностью, серьезностью, упорством в ученье и любовью к музыке. Среди молодых офицеров, посещавших гостеприимный и веселый дом Чернявских, был внук известного архитектора — строителя храма Христа Спасителя в Москве К. А. Тона Николай Александрович Фроловский, который также выделялся среди своих товарищей широким кругозором, умом и глубиной мысли. Это и был наш будущий дед. Брак был счастливым, но недолгим. В 1910 г. бабушка овдовела. Сыну ее было 15 лет, а дочери 13. Бабушка начала работать. Ее интерес к богословско-философским вопросам усилился, и именно она первая пошла в Богословский институт, а за ней и ее дети.

Мама часто писала из Алма-Аты и в каждом письме расспрашивала о судьбах близких и друзей, используя нехитрую конспирацию. Наталия Николаевна не теряла связь и с сосланным в Чимкент митрополитом Иосифом (Петровых). В августе 1932 г. мама писала нам: «Часто я вспоминаю, как я вернулась к вам на дачу в Тайцах из своей поездки к дедушке. Теперь он немножко ближе ко мне. Он очень болел все лето, так, что пишет, даже кричал от боли. Напишите ему открыточку в Чимкент ул. Полторацкого, 118. Он очень скучает».

Летом 1933 г., отбыв срок ссылки, Наталия Николаевна вернулась. В Ленинграде ей жить было запрещено, и она работала на различных геологических станциях в области, приезжая к нам на выходные дни.

В марте 1935 г. в наш дом пришла новая беда. В городе проводилась репрессивная кампания, связанная с убийством Кирова. Из него выселялся «социально опасный элемент». Под это определение, среди многих тысяч «бывших», попала наша бабушка и две ее сестры. Срочно распродалось, раздавалось и просто бросалось имущество. Бабушки уехали в Чебоксары, и мы их больше не видели. Там они и умерли одна за другой еще до войны.

Нас, чтобы мы не мешали, на несколько дней увезли в Стрельну к о. Михаилу Рождественскому. Мы, к сожалению, не помним лиц батюшки и матушки, приютивших нас в такое трудное время. Все стерлось сильным впечатлением от впервые увиденной ранней весны за городом. Ароматный свежий воздух, синие тени на сверкающей на солнце корочке льда. Проталины с прошлогодней травой, мокрое крыльцо и краснеющие ветки кустов. Вот, что осталось в памяти. Еще помним, что мы предпринимали попытки починить сломанный забор.

Скоро мы простились с нашей дорогой плачущей няней и Надеждой Михайловной и уехали с мамой в Брянск к ее брату. Начались годы скитаний.

Прошло почти 15 лет. Войну мы с мамой прожили в Самаре. Впервые Наталия Николаевна, после долгого отсутствия, приехала в отпуск в Ленинград в 1949 г. — там с 1945 года жила ее замужняя дочь. Оказавшись в родном городе, Наталия Николаевна пребывала в сомнении, может ли она, не изменяя своему прошлому и памяти мужа, пойти в храм, духовенство которого находится в канонической зависимости от Патриарха Алексия (Симанского). И вот, в оче-

редной приезд, уже в начале 50-х, так и не найдя ответа на этот вопрос, а посоветоваться было не с кем, мама пошла на кладбище к мужу. Стоя у могилы о. Феодора, она горячо молилась, прося у Господа помощи. Вдруг она услышала шаги, обернулась — перед ней стоял о. Василий Верюжский, также пришедший навестить могилу о. Феодора. Они не виделись с осени 1929 г., когда о. Василий был арестован. Теперь он уже несколько лет был профессором Ленинградской духовной академии. О. Василию и объяснять ничего не надо было. Он утешил вдову о. Феодора, сказав, что теперь совсем другое время, иное положение Церкви. Во главе ее стоит Патриарх, признанный всеми Восточными патриархами и всеми русскими иерархами, и нет никаких оснований не посещать храмы. Не признающий своего первоиерарха остается вне Церкви. И Наталия Николаевна с облегчением и радостью вернулась в храм, по которому очень тосковала.

Окончательно Наталия Николаевна возвратилась в родной город осенью 1955 года и поселилась (сняли комнату) со второй дочерью на ул. Блохина, вблизи Князь-Владимирского собора, который и начала посещать. Любила она и церковь при Духовной академии, а после открытия Свято-Троицкого собора бывала и в нем. Из духовенства, кроме о. Василия и позднее митрополита Гурия (Егорова), она никого из знакомых уже не встретила.

С грустью она писала Н. А. Александрову: «В 20-х и 30-х годах много я видела и голубых, и фиолетовых мантий. Многих знала так, что они всегда узнали бы меня при встрече. Но их всех, всех уже нет на земле. Все они были для меня вне критики и осуждения, даже и те, которые не мыслили с нами одинаково».

Душевную поддержку и большую радость Наталия Николаевна нашла в общении со своими товарищами по алма-атинской ссылке, о. Петром Гнедичем и иеромонахом Павлом (Черемухиным). Имена их не попали в «Синодик» — вероятно, из-за того, что они были москвичами и арестовали их в Москве. О. Петр Гнедич (1906—1963) умер и похоронен в Ленинграде. П. А. Черемухин (1907 г. р.), защитив диссертацию в Ленинградской духовной академии в 1957 г., уехал в Ташкент, там принял сан и скончался в начале 1990-х.

Среди мирян Наталия Николаевна встретила нескольких старых друзей и знакомых. «Видела Евгению Николаевну Харламову. Она здесь гостит на несколько месяцев. Бодрая и живая. Очень заинтересовалась Вашими делами (хлопотами о реабилитации — *авт.*). Просила передать поклон. Рассказывала, что лекции Михаила Михайловича (Бахтина — *авт.*) пользуются необыкновенным успехом. Читает во многих местах. За ним присылают машину и возят по институтам и клубам. А дома жена и клубы табачного дыма». «Видела в понедельник Евгению Николаевну и мою Веру Константиновну (сестра о. Феодора — *авт.*). Радостно было так быть вместе за чаем в Ленинграде, как прежде... У Евгении Николаевны четверо детей и нет спокойного угла».

Евгения Николаевна Харламова была врачом-хирургом. Она делала операции в полевых условиях на фронтах Первой и Второй мировых войн. Приходилось делать срочные операции в присутствии самого Ворошилова, но это не избавило ее от арестов и лагерей. В последний раз она была заключена в лагерь уже после войны, семидесяти лет. Ее выпустили раньше срока из-за тяжелейшего полиартрита. Выслали в глухую деревню, где она выжила только благодаря своей

специальности. Е. Н. Харламова поселилась в Саранске в семье одной из своих дочерей. Она привозила в Ленинград новости о М. М. Бахтине его друзьям.

Через некоторое время Наталия Николаевна встретила еще одну свою подругу по Богословскому институту: «На днях была в Русском музее, и вот меня кто-то окликает. Пожилая согбенная женщина. Долго не могла понять. Она-то меня сразу узнала. Ольга Николаевна Луговая. Она здесь гостит в отпуске. Я сразу же рассказала ей о Вашей реабилитации, для нее это очень важно. Она все еще в Вологде, в той же квартире, где Вы ее навещали... Через много дней после свидания с ней, вечером, передо мной вдруг всплыл ее облик в 20-е гг. Высокая, в синем костюме, и чуть-чуть кудряшки на лбу».

Мы нигде не могли найти больше никаких сведений об О. Н. Луговой. Помним только, что она лагерный срок отбывала на «Медвежке» и что добилась реабилитации и получила комнату в Ленинграде.

Сестра о. Феодора Вера Константиновна Курочкина была выслана из Ленинграда в 1937 г. после ареста ее мужа-военного. Вместе с младшей дочерью Татьяной она поселилась в Вышнем Волочке, откуда их изгнали перед приходом немцев, и они уехали к родным в Чебоксары. Сразу после войны, в новую волну репрессий, их снова выслали, уже в Кзыл-Орду, где дочь Веры Константиновны умерла от шизофрении. В середине 50-х гг. Вера Константиновна вернулась в Ленинград и получила реабилитацию и комнату. Скончалась она в 1990 г. в возрасте 93 лет на руках у младшей дочери.

У всех, кто в годы «оттепели» возвращался из ссылки в родной город, были две проблемы: жилье и реабилитация. В 1957 г. многие получили и то, и другое. Предприняла попытку получить реабилитацию и мама. Друзья помогли составить заявление, и она его подала, но... получила отказ. «Неужели я такая преступница?» — говорила мама с горечью.

Вернулся из Норильска после полной реабилитации и старший брат В. В. Дягилев Сергей Валентинович с женой и двумя дочерьми. Он был арестован в 1937 г., когда его старшая дочь Елена еще не родилась. Его жена Милица Владимировна, чтобы спасти себя и будущего ребенка, уехала к родителям в Новгород. Во время войны ее с трехлетней дочкой немцы угнали на работы в Германию. Имелась возможность уехать затем в Америку, как это сделал И. М. Андреевский, но сердце подсказывало молодой женщине, что муж ее жив, и она вернулась в Россию. Здесь она узнала, что предчувствие не обмануло; муж ее жив, свободен и дирижирует оркестром в Норильске. Долгими путями добиралась она, надеясь на помощь Господа, и наконец отец увидел свою уже десятилетнюю дочь.

Часто Наталия Николаевна бывала у тетки своего зятя А. С. Ругевич. У нее она познакомилась с ближайшей подругой А. С. Ругевич Анастасией Георгиевной Колтовской. При разговоре выяснилось, что мама находилась с ней в дальнем родстве.

Мы сблизились с Анастасией Георгиевной в начале 70-х, когда ни мамы, ни А. С. Ругевич уже не было на свете. Ей было 80 лет. Это был удивительный человек. Мы не помним ее недовольной, хмурой, раздраженной или озабоченной. Она всегда пребывала в хорошем настроении и была неизменно доброжелательна, терпима и нетребовательна. И ум у нее был веселый. Анастасия Георгиевна

много знала и помнила и была интересным собеседником и прекрасной музыкантшей. Будучи глубоко религиозным человеком, она это не афишировала. Она не имела специального образования и всю жизнь проработала скромным лаборантом в различных медицинских учреждениях.

В 20-е гг. А. Г. Колтовская состояла в одной из религиозных общин. Сестры этой общины пели за богослужениями, совершаемыми по домам, и Анастасия Георгиевна знала наизусть все церковные службы. За участие в общине она провела несколько лет в лагере на «Медвежке» среди уголовниц. После освобождения ей запретили вернуться в Ленинград, и она поселилась на станции Оксочи Октябрьской ж. д., где жили семья о. Викторина Добронравова и И. М. Андреевский, с которыми она и познакомилась. Потом Колтовская переехала на Малую Вишеру и возвратилась домой в Ленинград уже после войны. Скончалась она дома после непродолжительной и тяжелой болезни в 1980 г.

Наталии Николаевне выпала радость встретиться в мае 1958 г. со своим близким другом В. В. Щербовой. «Была здесь Вера Васильевна Щербова. Мы с ней по давней традиции пошли на могилы к мужьям. Она работает в лаборатории в Муроме. Приезжала, т. к. болеют здесь ее близкие. Энергичная, деловая, спокойная, как всегда». А через 10 лет мама сообщила Н. А. Александрову грустную весть: «5-го февраля этого года в Муроме скончалась В. В. Щербова».

Летом 1967—68 гг. мы снимали для мамы комнату возле Покровской церкви в Мариенбурге под Гатчиной. Здесь мама особенно сблизилась с о. Петром Белавским и его матушкой, которых не видела с 1929 г. Наталия Николаевна посещала все богослужения в Покровской церкви. Она писала другу: «По утрам, когда идет служба, вижу в алтаре высокого седого старца 75 лет, который совершает проскомидию. Совершеннейшая простота. Необыкновенная легкость движений при земных поклонах. Это тот о. Петр, кто в духовной семинарии учился у И. П. Щербова. А рукополагал его митрополит Вениамин. Он крестным ходом хоронил о. Феодора, когда Вы были уже в узах. В Тайцах у него жил владыка Димитрий, и оттуда он приезжал проститься с о. Феодором перед его кончиной. Из Таиц о. Петр и владыка Димитрий вместе и уехали далеко... Храм здесь чудесный. Он совсем маленький, красно-кирпичный, с пятью зелеными куполами и звоном колоколов».

Наталии Николаевне была дана еще одна встреча с прошлым. «Помните такого черноволосого протодиакона, всего в красном, на крещении Анастасии, о. Михаила Яковлева? Вот он здесь, и его жена тоже. Они на пенсии, и оба почти слепые. О. Петр служил у них молебен. Разговорам не было конца. В очень большие праздники о. Михаил сослужит о. Петру, а я плачу».

Но самым дорогим и душевно близким другом для Наталии Николаевны оставался Н. А. Александров. В течение всей жизни они никогда не теряли связь и поддерживали и помогали друг другу чем только могли.

Судьба Николая Александровича — ярчайший пример беззакония и гонения за религиозные убеждения. Он не был борцом за веру и чистоту Православия, как М. А. Новоселов, не участвовал в церковно-общественных делах, как наша мать или И. М. Андреевский, он просто исполнял свой христианский долг — посещал храм Божий.

Как мы писали выше, Николай Александрович был уведен из нашей квартиры на Лиговке в тюрьму в мартовскую ночь 1929 года. Он проходил по сфабрикованному групповому делу «нелегальной организации», а основанием для осуждения послужил факт посещения им в течение двух лет Богословского института. На следствии он себя виновным не признал. Заключение отбывал в Балтлаге на «Медвежке». Был освобожден досрочно в 1933 г. за ударный труд и поселился в Вологде, где работал счетоводом.

В апреле 1935 г., на волне репрессий, вызванных убийством С. М. Кирова, был вновь арестован, привезен в «Кресты», в Ленинград, и обвинен а «антисоветской агитации религиозного характера». Поскольку опрос сослуживцев и соседей по жилью этого не подтвердил, был через два месяца освобожден «за недоказанностью обвинения».

В последующие годы Н. А. Александров работал на стройках НКВД (Волховстрой, канал Москва–Волга, Тагилстрой), где только и могли работать лица, имевшие судимость по ст. 58. В 1944 г. с него была снята судимость 1929 г. В начале 1947 г, после сокращения штатов инженерно-технического персонала Тагилстроя, он был направлен преподавателем в строительный техникум во Владимирскую область. Через четыре месяца Николай Александрович был вновь арестован. Первый вопрос следователя был: «Вы верующий?» Ему объявили, что судимость с него была снята незаконно: «Не мы снимали». Пожилой, больной человек был осужден на 10 лет заключения в исправительно-трудовой лагерь с последующим поражением в правах на пять лет.

В своем письме после освобождения в 1955 г. на имя Н. С. Хрущева относительно реабилитации Н. А. Александров пишет: «К этому делу (1929 г.) я был привлечен исключительно по признаку религиозности, конкретизируемому фактом занятий в Богословском институте, и оно явилось началом длительной трагедии моей жизни, тянущейся десятилетиями. Я потерял из-за нее право жительства в родном городе, с которым связан рождением, образованием, защитой его в Гражданскую войну, началом научной и педагогической деятельности и 14-летней педагогической работой. У меня сломана научная карьера, я понес непоправимый (и не однажды) материальный ущерб. Я каждое следующее десятилетие подвергался повторным репрессиям, которые все упираются в это недобросовестное и злонамеренно сфабрикованное “дело”, подоплекой которого являются религиозные убеждения».

Просьба Николая Александровича была удовлетворена, и он получил реабилитацию, которая давала ему право на получение пенсии, комнаты во Владимире и работы. Отдохнув и освоившись в условиях свободной жизни, Николай Александрович стал подумывать о возвращении в родной город, куда звали его бывшие ученики и неустанно звала Наталия Николаевна. Он приезжал, но, видимо, мысль о необходимости новых хлопот о жилье, прописке, работе тормозила его решение. Задумывался Николай. Александрович и о принятии сана священника. И в этом мама его поддерживала. «У Вас и образование готово», — писала она.

Но судьба распорядилась иначе. Николая Александровича настиг паралич в 1960 г. При выходе из Успенского собора во Владимире после литургии Николай

Александрович упал на ступени храма. Было потеряно движение правой руки и ноги, но разум и память были не затронуты. Он научился писать левой рукой и так и жил один, окруженный книгами, еще 12 лет. К нему приходила женщина, готовила и убирала, и навещали друзья.

Мама скончалась 7 марта 1970 г. Отпевали ее в Никольском соборе и похоронили на Северном кладбище под Санкт-Петербургом. Ее друг пережил ее на два года. Мы навестили его в последний раз в июле 1972 г., и он передал нам письма Наталии Николаевны к нему за последние 15 лет. Вскоре после нашего отъезда Николай Александрович тяжело заболел. Почувствовав приближение смерти, он твердо перекрестился левой рукой и тихо скончался.

Мы закрываем «Синодик» с чувством благодарности ко всем, кто участвовал в его издании, и с чувством радости за тех, кто встретил нас на пороге жизни и кому вера и молитва давала силы вынести страдания, каторжный труд, гонения и унижения за веру в Того, Кто принял крестные муки за наше спасение.

Октябрь 1999 — февраль 2000 г. Санкт-Петербург

Ключевые слова: протоиерей Феодор Андреев, Н. Н. Андреева, Петроградский богословский институт, гонения на Церковь, дело «Истинно-православной церкви».

AFTER HAVING READ «THE SYNODICON»

M. F. ANDREEVA, A. F. MOZHANSKY (ANDREEVA)

The article includes the memoirs about the people, who have suffered for an orthodox faith in the days of prosecutions against it. These people belonged to the environment of arch-priest Feodor Andreev who was one of the main figures in opposition, so-called «iosifljanskoe», church movement in 1925–1930.

Keywords: arch-priest Feodor Andreev, N. N. Andreeva, Petrograd Theological institute, persecutions against the Church, the Case against «the True-orthodox church».